

тать событием? Едва ли пестрое мельтешение изменений и происшествий в перцептивной поле было бы продуктивно называть событиями, — разве что по ни к чему не обязывающей привычке обыденного языка. Смысл как событие и событие смысла должно мыслится как нечто, нарушающее мою привычную систему диспозиций и ожиданий в ходе понимания-осмысления, как нечто такое, что вмешивается в наполнение моей идентичности, требует пересмотра и нового удостоверения того, что я в ней считаю важным, неслучайным, надежным и должным. Иначе говоря, речь идет о кризисе, надломе, перспективе переоценки ценностей, о потрясении основ. Максимальная интенсивность подобного бывает в так называемых пограничных ситуациях (вина, болезнь, угроза смерти, религиозное озарение и проч.).

*А.А.Парамонов*

### **Экология языка**

Мне хотелось бы предложить подойти к рассматриваемым здесь вопросам о языке, смыслопорождении, диалоге и в связи с этим, естественно, проблеме Другого с позиций, которые можно было бы назвать, если угодно, экологическими. Мне кажется достаточно интересной модель представления языка в качестве среды жизни человека, что-то вроде водной среды для морских обитателей, которую те не покидают, даже погибая. Можно сказать, что для нас интерес будет представлять не то, что находится в нашей голове, а то, в чем находится наша голова.

Модель или, если угодно, метафора языка как среды порождает целый спектр возможных рабочих метафор. Так, мы можем говорить о средовых характеристиках, таких как плотность и упругость, податливость и жесткость. Особенно интересными на мой взгляд представляются здесь связанные со средой световые метафоры: прозрачности, чистоты, искривленности, ясности, очевидности.

Понятно, однако, что средовые характеристики только в том случае оказываются собственно средовыми, когда являются характеристиками условий при которых только и происходят те или иные события. Это, естественно накладывает определенное ограничение на обнаружение самих этих средовых свойств. Если мы начинаем “видеть”, допустим, собственно прозрачность световой среды, то мы оказываемся слепыми, поскольку разрушаются условия наблюдения. В этом

---

смысле, свойства среды не выступают в натуральном виде в нашем опыте жизни в данной среде, а остаются на его периферии, своим наличием обеспечивая этот опыт.

И раз уж мы начинаем говорить о языке как о среде обитания, то возникает и вопрос о телах, живущих в этих средах. В принципе, можно предположить существование неких идеальных для данной среды тел. С точки зрения принятого нами экологического подхода то, каким “телом” должен обладать я в качестве идеального обитателя конкретной языковой среды, должно “вычитываться” из самой среды. т.е. предполагается, что в языке, понимаемом как среда, должны существовать некоторые самоинтерпретирующие фрагменты, они то и определяют то, что можно было бы назвать перцептивными стратегиями данной языковой среды. Здесь возможны разного рода “неузнавания” или “неприятия” тела, предлагаемого нам в качестве нашего тела. Особенно важными для нас могут оказаться ситуации смены перцептивных стратегий. Возможно в такого рода ситуациях, если попытаться их растянуть, придавая им “онтологический” статус, и могут быть засечены собственно средовые эффекты.

Данный подход обладает на мой взгляд тем важным для нас достоинством, что позволяет работать как с научными, так и с художественными текстами.

Возвращаясь к тем же “позитивистским” мыслителям, то в их попытке “точечного”, фактуального или протокольного описания реальности для нас будет представлять интерес собственно языковые условия и средства производства и обеспечение подобной точечности.